

УДК 82.01

Д.О. Половцев

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

**РЕЦЕПЦИЯ МИНСКА И ВИЛЬНЮСА НА СТРАНИЦАХ
АЛЬМАНАХА «МОНОЛОГ. СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО»¹**

В статье анализируется рецепция Минска и Вильнюса в литературно-художественном издании «Монолог. Свободное творчество». Минск и Вильнюс сравниваются на страницах альманаха. Они иногда сближаются, но, по большей части, разводятся, контрастируя между собой. Создается впечатление, что эти два города заповили и узурпировали большую часть пространства журнала. Альманах содержит воспоминания об обоих городах, исследования их культурной жизни, рецепцию этих двух топов множеством горожан и просто сторонних наблюдателей. Авторы альманаха изображают эти два города и как действительно существующие, и как существующие в грезах, мечтах и сновидениях; последнее и есть одна их магистралей свободы и творческого дискурса.

Минск, Вильнюс, топос, альманах «Монолог. Свободное творчество», дискурс творчества.

«Монолог. Свободное творчество» – литературно-художественное издание, основанное в 1997 году и публикуемое до сих пор (последний выпуск № 18 вышел в свет и был презентован в Вильнюсе в Литовском эдукологическом университете в октябре 2014 года). Сам альманах издается в Минске; редакция расположена там же, но журнал распространяется далеко за пределами Беларуси (в библиотеки Берлина, Вены, Парижа, Праги, Вильнюса, Лондона, Софии, Варшавы, Торонто, Вашингтона, Нью-Йорка и других магистральных городов мира).

В предисловии к электронному архиву журнала Алексей Андреев, под общей редакцией которого и выходит альманах, обозначил свои цели, задачи и кредо: «Я делаю не просто журнал. Я пытаюсь объединить какое-то количество свободных и талантливых людей в общем суверенном пространстве. Журнал стал островом, где постепенно налаживается вся жизнь <...>. Журнал – это территория, не обозначенная ни на одной карте <...>. Жизнь на этой территории проявляется сущностно: в страданиях, исканиях и обретениях человека, живущего в творчестве и творчеством» [2].

Таким образом, журнал «Монолог. Свободное творчество» – обо всем, ибо творчеству и для творчества нет пределов и границ, оно, как известно, трансцендентно. Действительно, невозможно определить тематическую направленность издания. Она разнообразна и гетерогенна. На страницах из-

¹ Грант Образовательного фонда Education Exchanges Support Foundation, Литовский эдукологический университет - Lithuanian University of Educational Sciences (г. Вильнюс, Литовская Республика); номер гранта - 1861 от 01.06.2014 г.

дания появляются очерки, размышления и воспоминания как именитых художников слова, так и начинающих.

Презентация журнала в Вильнюсе, в Литовском эдукологическом университете подвигла автора настоящей статьи обратиться к его страницам. Беглое ознакомление с последним выпуском (№ 18 за 2014 г.) оставляет чувство, что это чисто белорусско-литовский и/или литовско-белорусский проект (на эту мысль навеяли, например, статья А. Балтенаса «Чтобы люди стали добрее» и его фотографии с видами и жителями Литвы, эссе А. Шиланскаса «Поэзия в настроении блюз», непосредственно сами стихи А. Шиланскаса, публикации С. Харевского «Кровь и краски», Т. Орловой «Королевство зеркал», Э. Алишанка «Северная застава», фотографии В. Качана и др.). Это чувство уверенности было подкреплено «монологом» нынешнего посла Литовской Республики в Республике Беларусь Э. Игнатавичюса «Чувство дома» и его собственными стихотворениями.

Однако при дальнейшем знакомстве со всеми изданными выпусками журнала оказалось, что это не совсем так. Представляется, что настоящий журнал не моно- или бинациональный, а полинациональный; его тематика развивается в рамках бинарных оппозиций «национальное – инонациональное», «свое – чужое» и, наконец, «Я – Другой». Об этом свидетельствует и эпиграф из знаменитого романа «Над кукушкиным гнездом» классика американской литературы К. Кизи к последнему выпуску альманаха: «А после, прячась в уборной от санитаров, я глядел на себя в зеркало и удивлялся, что кому-то удастся такое неслыханное дело – **быть собой** [выделено нами. – Д.П.]. В зеркале отражалось мое лицо, и я думал: **это не я, это не мое лицо. Я не был собой** [выделено нами. – Д.П.], когда пытался быть человеком, у которого такое лицо. На самом деле я собой не был; **я был** всего лишь таким, каким выглядел, **таким, каким меня хотели видеть** [выделено нами. – Д.П.]. А собой я, кажется, никогда не был».

Приведенная цитата, которая, безусловно, может быть интерпретирована и, исходя из стадии «зеркала» Ж. Лакана, имеет глубокий философский и экзистенциальный смысл. Быть собой и не быть собой – это одновременно и быть Другим для других и Другим для себя, ибо самость постоянно находится между полюсами бинарных оппозиций «Я – Другой», «свое – чужое», наконец, «национальное – инонациональное». Я не есть некая монолитная сущность; Я меняется, колеблется, модифицируется, находится в постоянном движении. Быть таким, «каким меня хотели видеть» – это экзистенция лишь под и посредством взгляда Другого; то есть здесь магистральной является идея об аффирмации себя в глазах и сознании иной самости.

Все сказанное выше подтверждается и мыслями, и чувствами Э. Игнатавичюса в очерке «Чувство дома» [6]. Автор вспоминает высказывание американки литовского происхождения о том, что «Минск – это европейский город, жители которого не считают себя европейцами» [6, с. 9]. Далее Э. Игнатавичюс продолжает, что «это свойственно и многим литовцам, которые все

еще говорят “Мы и Европа”» [6, с. 9]. Нельзя не согласиться с автором очерка, что пара «Мы и Европа» должна – в первую очередь в сознании населения – трансформироваться в «Мы – Европа».

К слову, Беларусь, как полагает нынешний посол Литовской Республики в Республике Беларусь, должна открыться миру, перешагнуть через свои собственные границы, стать частью мировых глобальных процессов и явлений; наконец, двигаться от одного полюса дихотомии «национальное – инациональное» к другому.

Об актуальности и важности оппозиции «свое – чужое» для сознания белорусов пишет и автор эссе «Кровь и краски» С. Харевский: «Мы пристально следим за чужим мнением, а свое нам уже неинтересно. Мы приспосабливаемся к чужой моде, к чужим нам домам, к чужому образу чужого проекта, пока не забываем, кто мы есть сами» [13, с. 136]. Полагаем, что это является следствием того, что в белорусском сознании глубоко укоренилось отсутствие чувства самодостаточности, самобытности, «своего» и национального.

По мнению Э. Игнатавичюса, Беларусь, однако, уже сделала довольно много в этом направлении (где-то нивелировала полюса бинарной оппозиции «свое – чужое») и в какой-то степени уже обладает европейскостью. «Принадлежность Беларуси к Европе для меня очевидна, – пишет посол, – достаточно однажды побывать в Несвиже, Мире, Ружанах, Лиде, Гродно <...>. Этого чувства Европы здесь иногда больше, чем в некоторых местах, которые считаются традиционно европейскими» [6, с. 9]. Однако главное – это процессы, происходящие в сознании людей: «главное, наверное, чтобы у самих белорусов это чувство развивалось и преобладало – чувство принадлежности к европейской культуре и традициям, понимание, что Беларусь всегда была не только частью этой культуры, но и очень много дала этой культуре» [6, с. 9].

Как уже отмечалось, альманах буквально пронизывает дихотомия «национальное – инациональное», причем «свое» для Я может оказаться «чужим» для Другого, что вполне естественно, и наоборот. В связи с этим идея пространства, места, топоса – их изображение и рецепция – является одной из ключевых в «Монологе...». Большое место на страницах альманаха, безусловно, отведено пространству Минска. Однако авторы постоянно делятся воспоминаниями и впечатлениями от пребывания в Париже, Риге, Стокгольме; на страницах издания читается не только вся Беларусь, но и, например, Москва, Чернобыль и другие (ино)национальные топосы.

Много страниц альманаха посвящено Вильнюсу. «Каждый раз, приезжая из Вильни, – пишет И. Кныщ в эссе “Стахановская идиллия” [8], – я не могу найти себе места в Минске – не могу без отвращения смотреть ни на архитектуру, ни на людей <...>. После настоящей белорусской столицы, Вильни, Минск кажется непомерно раздутым монстром, который, разрастаясь, уни-

чтожает без сожаления не только близлежащие деревни и ландшафты, но и самого себя, уродуя свой исторический центр» [8, с. 65 – 66].

Минск и Вильнюс часто сравниваются на страницах альманаха, что в принципе и справедливо в силу известных причин. Они иногда сближаются, но по большей части разводятся; они контрастируют между собой. Порой кажется, что эти два города заплонили и узурпировали большую часть пространства журнала. Альманах содержит воспоминания об обоих городах, исследования их культурной жизни, рецепцию этих двух топов множеством горожан и просто сторонних наблюдателей, гостей города. Следует отметить, что если Минск присутствует на страницах альманаха практически с самых первых его выпусков, то Вильнюс появляется значительно позже и рассматривается он, как правило, не отдельно, а в сравнении (контрасте) с Минском. Т. Орлова высказывает следующую точку зрения: «Мы, Минск и Вильнюс, живем друг от друга на совсем крохотном географическом расстоянии. И, как оказалось, нас разделяет пропасть духовного и эстетического мира» [10, с. 215].

На страницах альманаха не найдешь много минской романтики. Пожалуй, проскальзывает она лишь в некоторых очерках, например, С. Харевского «Минск с высоты птичьего полета» [14]: «рисунки, гравюры, этюды <...> отображали этот уголок города, полный элегической романтики. К началу нашего столетия обаяние этих старых кварталов <...> создавало уже классический образ старого Минска» [14, с. 92]. Романтичным – практически всегда – предстает Вильнюс на страницах журнала: «в Старом городе <...> здания <...> с разверстыми, грозными, массивными, широкими подворотнями арочной формы, <...> внутренние дворики с закругленными огромными “черными ходами” и арочными и круглыми окнами» [12, с. 139].

Тем не менее, С. Харевский пишет о тяге Минска к «самоуничтожению». Минск постоянно перестраивали, перекраивали, изменяли. Нельзя не заметить ностальгию, тоску по ушедшему городу в очерке Харевского: «в Минске все время словно нарочно стираются всякие воспоминания о прошлом. Два столетия борьбы с памятниками» [14, с. 92]. Для Харевского Минск является городом, который живет в его «грезях», мечтах. Вербализация того, что Минск был, а сейчас его нет как такового, сближает Харевского с другими авторами.

В этом контексте нельзя не вспомнить эссе известного белорусского философа и литературоведа В. Акудовича «Горад, якога няма»: «Парыж ці Вільня, Лёндан або Санкт-Пётэбург маюць пачатак (сярэдзіну, цэнтар), якім пазначаны прасторавы і паэтычны міт горада (Эйфэлева вежа, гара Гедыміна, Біг-Бэн, Ісакіеўскі сабор). Мінск пазбаўлены ўцэнтраванага ў структуру прасторы сымбалічнага міту, паэтычнай дамінанты, сярэдзіны самога сябе. Мінск – горад ня толькі без душы, але і бяз сэрца» [4]. Интересно, что дальше философ продолжает: «Той, хто не трымае адзіноты, кідаецца адсюль у Маскву, Парыж, Вільню – туды, дзе з чалавекам заўсёды побач **горад** [выде-

лено автором. – Д.П.], як выбаўленьне панылае волі, як падстава для бясконцага дыялёгу, як **другі** [выделено автором. – Д.П.], які ведае адказ на кожнае тваё запытаньне, калі ты здолееш яго выразна сфармуляваць» [4].

С В. Акудовичем, кажется, соглашается и автор эссе «Здесь» А. Андреев [1]. По его мнению, люди не должны проживать на территории современного города Минска, так как эти болотные земли должны были быть легкими Европы. Человек здесь оказывается лишним. Для А. Андреева Минск «существует <...> только благодаря конкретным людям <...>. Это город-фантом, ежедневно воссоздаваемый внутри меня определенным усилием сознания <...>. Всю сознательную жизнь я с усердием муравья строю для себя этот город, заполняя пустоты на карте. Он проявляется на бумаге как переводная картинка – город, который я придумал. Которого не должно быть» [1, с. 5].

Андреев сравнивает Минск с другими городами, в частности, с Петербургом и Стокгольмом. Для него Стокгольм, созданный как комфортный для проживания, задуманный для того, чтобы в нем жить, оказывается дискомфортным для автора. Примечательно, что Андреев не может оторваться от города-фантома, который «вообще задуман в беспамятстве, в горячечном бреде и существует только в эскизах, лекалах, выкройках» [1, с. 5].

Интересно наблюдение автора и о ночном Минске: «ночной Минск похож на подвыпившего гимназиста, который еще стесняется собственной распущенности. Редкие огоньки ночных клубов и баров, редкие проститутки на “стометровке” у площади Победы. Стайка подростков на “Октябрьской”» [1, с. 7]. Конечно, Минск не такой бурлящий и живой, как, например, Москва.

Кажется, что существует некий оксюморон: интерес к Минску возникает, так как Минск неинтересен, а основная его роль – «молодая столица юной белорусской нации. В остальных ролях он малоинтересен и факультативен» [13, с. 137].

Интересной представляется и точка зрения М. Володина, который полагает, что у Минска, как у любого города, своя история, безусловно, есть. Она представлена в летописях, записках путешественников и других источниках. По его мнению, Минску не хватает не истории, а **историй** [выделено нами. – Д.П.]. Совершенно верно отмечает автор статьи «Минские истории» [5], что «по разным причинам <...> у нас почти отсутствует мифология города. Сегодняшние минчане почти ничего не знают о том, где собирались посидеть и выпить их писатели, в каких банях парилось их начальство, в каких церквях и синагогах молились их предки» [5, с. 112]. Более того, «они не знают и того, на каких развалинах построены их дома и по чьим костям они ходят» [5, с. 112].

Автор очерка рисует город Минск лишь как топос, очередное место на карте и атласе. И этот топос представляется Володину безликим и даже мертвым: «город, в котором большая часть населения – горожане первого-второго поколения. Город, который почти полностью потерял свою архитектуру во время войны и сталинского строительства. Город, который был сте-

рилизован коммунистами в попытке сделать из него образцовый индустриальный центр» [5, с. 112]. Однако здесь с М. Володиным в полемику вступает С. Харевский: «центр Старого города в Минске, в отличие от Варшавы, во время войны уцелел. Его уничтожали значительно позже <...>. Одновременно людям внушали стереотип: город, целиком разрушенный во время войны» [14, с. 93]. С. Харевский приводит различные примеры того, как уничтожалась часть того наследия города, которое выстояло войну.

С. Харевский [13] также развенчивает и некоторые мифы, стереотипы о Минске: «один из величайших ошибочных мифов о Минске утверждает, что его лицо и дух предопределили сельчане, “понаехавшие” в город. Это заблуждение, десятилетиями внедрявшееся в наше сознание. Если бы сельчане действительно заполнили Минск, то здесь бы жили их обычаи, язык, песни, кухня, традиции непререкаемого уважения к старшим и глубокий искренний почет перед образованием <...>. Деревенская культура заполнила после войны Вильнюс, Прагу, Тбилиси и многие другие столицы, сделав их центрами своей национальной современной культуры. В Минске этого не произошло» [13, с. 133].

В «Минских историях» М. Володина (а это городские анекдоты, мифы, байки) город оживает. Здесь и «самый большой театр», и «башенка Цанавы», и «беседка над Свислочью», и «Желтый дом». Автор пишет свою историю Минска. Пусть она где-то надумана, где-то антиисторична, где-то допридумана, но это его собственная история города. Автор творит город в собственном сознании и воображении.

Если наши соотечественники смотрят на Минск изнутри, то взгляд, иностранцев на белорусскую столицу другой – он извне. Иностранцы отмечают небольшое движение самого города, отсутствие, например, московской энергии, необитаемость улиц Минска, его суровость. Так, французенка Э. Сорен в публикации «Зачем же я приехала?» [11] отмечает, что «его пространство [Минска. – Д.П.] словно создано для парадов и демонстраций <...>. Можно вдоль и поперек протоптать эти широкие проспекты, но желания пройтись по ним так и не появится <...>. На самом деле, несмотря на торжественные одежды, здесь все томится от скуки: дворы, подъезды, блоки зданий, вплоть до мест отдыха» [11, с. 145]. Минску не хватает теплоты, в нем нет легкости, полета. Интересно сравнить ее точку зрения с мнением А. Балтенаса относительно Вильнюса (эссе «Чтобы люди стали добрее») [3]: «Я искал образ города <...>. Я смотрел старый Вильнюс, словно фильм. Гуляя по узким улочкам, видел, как меняется композиция. В Вильнюсе она меняется особенно. Потому что разные планы открываются неожиданно <...>. Вильнюс очень поэтичный город <...>. Вильнюс просыпается, звонят колокола, и, кажется, они звонят только тебе и городу. Было такое ощущение, когда люди совсем были не нужны» [3, с. 47]. За этой фотографичностью, безусловно, прочитывается самодостаточность города.

Однако Э. Сорен находит и в Минске свою внутреннюю прелесть: «в пространстве, не занятом монументальными сооружениями, сокрыто нечто иное» [11, с. 145]. Полагаем, что здесь видение Э. Сорен сближается с точкой зрения А. Андреева, который тоже способен разглядеть тот Другой Минск со старыми двухэтажными домами, где летом все утопает в зелени, а на клумбах растут цветы; с деревянными лестницами в подъездах; с дворами, где сушат белье на веревках. В этом Другом Минске по-иному течет и время. Только **такой** Минск представляется Андрееву местом для проживания.

Э. Сорен также хочет найти приют в своем, Другом Минске, который может оказаться «убежищем для собственных грез» [11, с. 145]. Под впечатлением того, что такой приют может быть найден, Э. Сорен плывет по Минску, словно в облаках.

Любопытным представляется тот факт, что рецепция Минска в альманахе неоднозначна. В настоящей статье мы уже упоминали точку зрения И. Кныща [8], совершенно противоположно которой является мнение И. Корзуна (эссе «Приближение к желаемому» [9]: «мне казалось, что я любил этот город всегда <...>. Я вдруг понял, что внутри меня этот город есть <...>. Город, который я люблю не просто за какие-то свершения и подвиги, а за то, что он живой. У меня в сознании были разные европейские города: яркие, громкие, с богатой историей и культурной жизнью» [9, с. 202]. Автору сложно отделить себя от этого города; куда бы автор ни уезжал – у него возникает желание возвращаться сюда. Минск для автора аксиологически важен. Более того, в следующей цитате из эссе И. Корзуна «Приближение к желаемому» содержится идея о том, что понимание «своего», переосмысление своего «национального» возможно лишь при контакте с «чужим», с «инонациональным»: «и потом уже, когда я съездил в Марсель и вернулся, я вдруг увидел Минск. И он стал внутри меня на свое место. Как какая-то часть из головоломки. Я увидел то, что есть, совершенно по-другому» [9, с. 202].

Автор также творит город во сне. Ему снятся красивые храмы, площади Рима, теплое и прозрачное море в Минске; И. Корзун даже нашел в Минске рай. У автора большое желание придумывать для себя свой город.

Интересно отметить, что в отличие от Минска, Вильнюс упоминается и в шутовом, и в ироническом ракурсах. Например, вот таким предстает утренний Вильнюс глазами выпившего героя эссе С. Квятковского «Вильня в конце тоннеля» [7]: «Утренняя Вильня в районе двух вокзалов <...> – это вам не утренний Минск <...>. В Минске законность и порядок. В Вильне все наоборот. Можно увидеть пролетарский минет, который делается в углу между киосками. Алкаша, который едва не гибнет под колесами автомобиля, а перепуганный водитель на глазах у людей выколачивает из бедняги душу. Белорусского журналиста, который хлещет “из горла” водку в компании караима и литовца <...>. Я же говорю: Вильня очень живой город» [7, с. 108 – 109]. В этом описании есть какое-то свое очарование, а в этом хаосе – жизнь. Думается, что подобные темы про Минск затабуированы.

Или, например, С. Черенович в юмористическом очерке «Интеллигентно говоря» [16] предлагает варианты того, чего «хочется» по приезду в Вильнюс:

«Есть такие города, где уже прямо на вокзале, едва сойдя с поезда, вдруг чувствуешь потребность быть культурным и образованным человеком.

Например, в Вильне.

Хочется извиняться и сердечно благодарить даже в винно-водочном магазине, не говоря уже про книжный или аптеку.

<...>.

Хочется думать, что ты закончил университет.

И обязательно с красным дипломом.

Хочется, закрутив на шее белый длинный шарф, идти по улице в длинном дорогом пальто.

Хочется купить шляпу.

Хочется быть молодым и нравиться.

И снова так хочется, что сильно хочется жить» [16, с. 71].

Сегодня многие наши соотечественники ностальгируют по Вильнюсу и по Литве: «Да и вообще за три рубля можно было проехать на прекрасном поезде “Чайка” до литовской столицы просто на выходной день. Погулять, заглянуть на ярмарку, посидеть в кафе, тогда еще очень престижной “Неринги”, проникнуться духом свободы и раскованности. Каунас был еще “заграничнее”», – вспоминает Т. Орлова (эссе «Королевство зеркал») [10, с. 216].

А С. Харевский, например, вообще – очень эмоционально и трогательно, даже образно – прощается с белорусским Вильнюсом: «Вильнюс – старая столица, колыбель белорусской культуры, словно утраченный шанс Беларуси, очень далек от сегодняшних наших минских реалий <...>. Я <...> вспоминаю про навсегда потерянный белорусский Вильнюс <...>. Я <...> часто ловил себя на мысли, что Город, которым я был зачарован, исчезнет без предупреждения и объяснений <...>. Вильнюс сегодня принадлежит литовцам. Вильнюс впервые за многие столетия стал столицей полноценной страны <...>. Из тихого и малоподвижного закутка сначала Европы, затем империи Вильнюс превратился в современный город, который должен быть витриной государства. Теперь только Литовского государства» [15, с. 153].

Таким, образом, для каждого из авторов альманаха «Монолог. Свободное творчество» существует как свой Минск, так и Вильнюс, или, наоборот, свой Вильнюс и свой Минск. У каждого он разный в зависимости от предпочтений, настроения, воспоминаний от пребывания в том или ином городе, наконец, профессиональной деятельности.

«Любимый Минск останется в снах, воспоминаниях и мечтах», – пишет С. Харевский. [13, с. 127]. Оказывается, что и «Вильнюс у каждого свой, – пишет С. Харевский в эссе «Новые названия старых улиц» [15]. – Его горы, древние памятники, живописные предместья – целый музей под открытым

небом. Как еще назвать город, в котором собрано столько богатств человеческого духа? Стоит только остановиться, осмотреться и увидеть, сколько всего окружает человека в Вильнюсе. Этот город вобрал в себя все, что мог дать Бог и создать человек [15, с. 140].

Главное, что авторы эссе и очерков альманаха «Монолог. Свободное творчество» изображают эти топосы и как действительно существующие, так и порой воображаемые в своих иллюзиях, грезах, мечтах и сновидениях; последнее и есть одна их магистралей свободы и творческого дискурса.

Литература

1. *Андреев, А.* Здесь // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 8. – 2004. – С. 5 – 23.
2. *Андреев, А.* Монолог. Свободное творчество (электронный архив) [Электронный ресурс]. – Минск: 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с экрана.
3. *Балтенас, А.* Чтобы люди стали добрее // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 18. – 2014. – С. 47 – 64.
4. *Валянцін Акудовіч.* Мянэ няма: роздумы на руінах чалавека [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-370493.html#8294029> (Дата доступа 14.10.2014).
5. *Володин, М.* Минские истории // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 2. – 1998. – С. 112 – 117.
6. *Игнавичюс, Э.* Чувство дома // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 18. – 2014. – С. 7 – 9.
7. *Квятковский, С.* Вильня в конце тоннеля // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 14. – 2010. – С. 107 – 109.
8. *Кныш, И.* Стахановская идиллия // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 9. – 2005. – С. 65 – 84.
9. *Корзун, И.* Приближение к желаемому // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 9. – 2005. – С. 197 – 207.
10. *Орлова, Т.* Королевство зеркал // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 18. – 2014. – С. 215 – 224.
11. *Сорен, Э.* Зачем же я приехала? // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 8. – 2004. – С. 141 – 148.
12. *Тейтельбаум, С.* Человеческая душа, перевоплотившаяся в птицу // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 18. – 2014. – С. 139 – 154.
13. *Харевский, С.* Кровь и краски // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 18. – 2014. – С. 127 – 137.
14. *Харевский, С.* Минск с высоты птичьего полета // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 3. – 1999. – С. 92 – 97.
15. *Харевский, С.* Новые названия старых улиц // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 12. – 2008. – С. 139 – 155.
16. *Черенович, С.* Интеллигентно говоря // Монолог. Свободное творчество. – Вып. 15. – 2011. – С. 63 – 73.

Сведения об авторе

Половцев Денис Олегович – заведующий кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (Минск, Республика Беларусь).

Адрес для переписки: 25,901, ул. Академическая, 220072, Минск, Беларусь.

Телефон: +375(17) 284-00-22

E-mail: dzianispol@list.ru

Denis Polovtsev

Belarusian State University (Minsk, Belarus,)

MINSK'S AND VILNIUS'S RECEPTION AT THE PAGES OF THE ANTHOLOGY «MONOLOGUE. FREE CREATIVITY»

This paper analyzes the reception of Minsk and Vilnius at the pages of the literary and artistic publication “Monologue. Free creativity”. The author compares Minsk and Vilnius. They sometimes come together, but for the most part, they contrast with each other. It seems that these two cities have captivated and usurped most of the space of the almanac. It contains memories of both cities, the study of their cultural life and the reception of the two cities by many residents and simply by bystanders. The authors of the anthology depict these two cities both as actually existing and as existing in dreams, the latter is one of the domains of freedom and creative discourse.

Minsk, Vilnius, topos, anthology «Monologue. Free creativity», creativity discourse.

Author's Data

Polovtsev Denis Olegovich – Head of the Translation Department, Belarusian State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Minsk, Belarus,)

The address for correspondence: 25, 901, Akademicheskaya str., 220072, Minsk, Belarus.

Phone: +375(17) 284-00-22

E-mail: dzianispol@list.ru
